

ВРЕМЯ НОВОСТЕЙ

22.05.2006

Леонид ГРИГОРЬЕВ,

декан факультета менеджмента Международного университета
в Москве, президент Института энергетики и финансов

Принуждение к стратегии

Внезапный рост финансовых ресурсов российского сырьевого и нефтегазового сектора и стабилизационного фонда застал врасплох правительство и в отношении набора проектов, и в отношении инструментов инвестирования, включая и частно-государственное партнерство. Отсутствие благоприятного инвестиционного климата и средств в течение переходного периода не позволяло думать о крупных проектах, и характер использования финансовых ресурсов в новое время покажет зрелость страны в реализации своих возможностей, компетентность правительства, бизнеса и науки. Следует признать: простых способов использования таких средств нет, сложные еще надо придумать и эффективно задействовать, но оставить ресурсы неиспользованными -- просто расписаться в беспомощности перед проблемой модернизации страны.

Нефтяной дождь: не ждали

История переходного периода удивительна тем, что в стране плановой экономики 15 лет назад вдруг перестали прогнозировать и планировать развитие вообще -- разумеется, в ожидании мудрого воздействия доброй (хотя и невидимой) руки рынка. Рука оказалась вполне рыночной, но весьма жесткой. Как теперь шутят на востоке Германии, Карл Маркс оказался неправ насчет социализма, но вполне был прав в части капитализма. Что ж, наши рыночные институты формировались и не сверху, и не "по образцу", и не либерально, а просто хаотично -- победила не лучшая комбинация. Глобальная конкуренция не пощадила нас "в благодарность" за то, что мы расстались с социализмом. На рынке нет прошлых заслуг, а есть только спрос, предложение и деньги, деньги свои или чужие, и возможности их заработать, сегодня или завтра. В течение всего переходного периода программы реформ частично выполнялись, а задачи развития, в общем, и не ставились. При постоянном бюджетном кризисе 90-х и надеждах на спасительную макростабилизацию методы решения хозяйственных проблем страны не сложились.

Правительству, конечно, изрядно повезло с внешней конъюнктурой последних лет. Тяжелая проблема внешнего долга решилась сама собой. Расчистка долгов предприятий и новые доходы стали ключевым фактором решения проблемы бюджетного кризиса и неплатежей. Программа 2000 года сделала ставку на упорядочение налогов ("плоскость как особая налоговая красота"). Аплодисменты за новый "эксперимент на себе" были получены, но серьезного ускорения роста капиталовложений не произошло. опережение динамики инвестиций над потреблением за годы подъема остается сравнительно небольшим. Если для вложений в обрабатывающей промышленности и услуги препятствием остается неадекватный инвестиционный климат и слабость финансовой системы, то многие проекты (особенно двух-трехлетние) в сырьевом экспорте, потребительских отраслях, торговле, связи рентабельны за счет потока сырьевых доходов. Но в отношении крупных инфраструктурных проектов, вложений

в энергетику все обстоит еще сложнее -- им нужны соответствующие долгосрочные условия вложений, низкие политические риски, адекватные финансовые инструменты, иначе они просто не стартуют.

Реакция правительства на краткосрочные кризисные проблемы, в общем, наблюдалась, но инерция борьбы с кризисами мешала совместить кризисное управление с решением проблем развития, которые накопились за 15 лет или остались от планового периода и не решаются сами собой. Необходимость перехода к долгосрочным проблемам развития стала осознаваться только тогда, когда стабфонд стало невозможно держать просто в мешке. Спустя десятилетие кризиса и шесть лет вполне интенсивного подъема капиталы в России появились, капитализацией на бирже стали гордиться, но модернизация экономики и инновации идут крайне медленно. Рынок, наверное, может решить все проблемы за 50 лет -- вопрос же в том, как использовать различные формы бизнеса, включая институты развития (которыми и самые развитые страны не брезгают) для решения проблем в рамках сжатых временных периодов.

Стабфонд: российская специфика

Стабилизационный фонд стал физическим воплощением сверхдоходов, получаемых Россией от высоких мировых цен на нефть, потому он и стал объектом всеобщих притязаний.

Вероятное разрастание стабфонда к концу 2006 года до размера 75 млрд долл. просто озадачивает. Минфин пытается огородить его в виде портфельного фонда, который потом и не тронешь. Подсчеты специалистов Всемирного банка дают прогноз роста (при условии сохранения мировой конъюнктуры) этого фонда до немыслимых величин в отдаленном будущем -- порядка 2,2 трлн долл. к 2030 году. Не обсуждая предпосылки такого прогноза, представим себе, сколько международных политических проблем возникнет, если российский правительственный фонд начнет в массовом порядке скупать на нефтедоллары акции ведущих западных компаний. А с точки зрения развития самой России становится совершенно непонятно, зачем "фонд поколений" вообще нужен, если его можно только накапливать, но ни одному реальному поколению нельзя давать подступиться к расходам. Ссылки на Кувейт и Норвегию -- накопителей больших фондов -- не проходят по простым причинам: в России ВВП на душу населения составляет 5 тыс. долл., а у них -- порядка 30 тыс., у них нефть -- единственный товар. Национальные задачи у них состоят в создании человеческого капитала и закреплении, а у нас проблема состоит в его сохранении и рациональном использовании человеческого капитала.

Реальное личное потребление растет в России по 10% в год после падения на 20% в середине 90-х годов, в 2005 году вышли на 140% от 1990 года. Впрочем, прирост сосредоточен в пределах 25--30% наиболее состоятельного населения, крупных городов и сырьевых анклавов. Смена парка автомашин, рост использования компьютеров, обновление предметов длительного пользования по маркам и качеству дали большой положительный эффект.

Естественно, в последние годы начали расти социальные и оборонные расходы. Но будем осторожны -- наше "латиноамериканское" по глубине социальное неравенство имеет свойство понижать эффект дополнительных расходов. Без чрезвычайно четкого анализа и учета институциональных факторов (то есть без

серьезных реформ) социальное и региональное неравенство может поглотить любые средства, но не дать эффекта. Потратить большие средства эффективно не менее трудно, чем их получить. Опасность состоит также в том, что при неравенстве дополнительные социальные расходы не обязательно делают счастливыми получателей. В середине 90-х годов уже были попытки закупить сложной аппаратуры в районные больницы без расходных материалов, обучения персонала и без стимулов к рациональному использованию. Эффективность расходования будет оценена людьми особенно в здравоохранении и образовании, устройство которых очень тонко и обладает естественной способностью сопротивления к попыткам проведения перестроек, в необходимости которых врачей и учителей убедить нелегко.

Кстати, если мы так и не можем ничего еще придумать, то имеется по крайней мере один неинфляционный способ личного потребления стабфонда нашими гражданами. Нужно купить всем 10 млн наших студентов по путевке дней на десять на Карибы, Красное море, Таиланд (разыграть в лотерею). Польза была бы огромная: во-первых, улучшится здоровье нации; во-вторых, есть надежда на улучшение демографии; в-третьих, не надо думать, что делать с фондом (минус примерно 20 млрд долл.); в-четвертых, безусловно, демократично; и главное -- вся инфляция экспортирована назад в страны -- потребители энергии.

Много денег - к большим расходам

За два года до выборов пора нарабатывать новый материал для стратегического планирования. От реагирования на кризисы стоило бы выйти на долгосрочную стратегическую программу развития страны. Будущая стратегия развития могла бы опираться на несколько "китов", которые должны будут сосуществовать друг с другом. В какой-то степени будущая модель вырисовывается из отдельных президентских посланий и намерений.

Требуется посмотреть все фактические вводные в комплексе, оценить совместимость целей и средств, особенно с учетом того, что ряд отраслевых программ развития конструировался врозь. Так, во внешнеэкономической программе неясно, какой именно тип предприятий вскоре начнет производить огромные объемы наукоемкой продукции на экспорт. В энергетической стратегии традиционно не упоминаются частный сектор и источники финансирования капиталовложений -- упор обычно на то, что "надо много денег". В стратегиях развития финансовых рынков и институтов невозможно отыскать инструменты финансирования инноваций и больших инфраструктурных проектов, в особенности энергетических, как будто они разрабатывались не для России с потребностями в долгосрочных инвестициях, а для Гонконга.

В столь сложной и неровной экономике, как наша, придется, видимо, искать пути сочетания крупных компаний с сырьевым доминированием, полугосударственных элементов и попытками вызвать к жизни средний и малый бизнес. Высокие сырьевые цены "подарены" нам не навсегда. Мировой экономический спад пока не грозит, есть ряд серьезных факторов, поддерживающих высокие цены на энергоносители. Шанс использовать огромные доходы от нефти и газа стоит перед группой стран мира. Ближайшие годы мы будем наблюдать мучения всех соответствующих правительств от Венесуэлы до Саудовской Аравии с тем, чтобы не дать нефтяному богатству опять рассосаться без большого эффекта развития, усугубить неравенство и заложить мины

социального недовольства на период после высоких цен.

Энергетический комплекс выглядит как естественный претендент на лидерование в развитии страны. Но не будем забывать, что ТЭК -- очень сложный комплекс и состоит из добрых пяти-шести секторов. В электроэнергетике на фоне реформ обнаружили неприятные нехватки мощностей, которых плановое хозяйство не могло предусмотреть на 15 лет вперед. Энергосистемы живут без капиталовложений (2--3 млрд долл. -- "это не деньги") и прогнозов, которые, как теперь выясняется, в начале 2000-х годов были ошибочными. Так что здесь впереди больше не доходы, а расходы. Нефть стоит перед проблемой износа старых месторождений, газ потребует больших вложений в новые проекты на шельфе.

Здесь хорошо бы дать всем -- и своим компаниям, и финансовому сектору, и иностранным компаниям -- устойчивый сигнал, что кому делать. А то дебаты затянулись, капиталовложения явно отстают от желаемых темпов. То же относится к трубопроводной инфраструктуре -- диверсификация поставок выглядит как естественное (вынужденное) решение в условиях вероятной и широко обсуждаемой в ЕС тенденции к снижению зависимости от российских энергетических источников. Ясно, что это приведет к росту строительства запасных труб, перестраховкам и большим издержкам по взаимной (в отдаленной перспективе) диверсификации потребителей и поставщиков. Так что при высоких доходах и расходы будут большие. Чтобы чувствовать себя великой энергетической державой, мало экспортировать углеводороды: нужно демонстрировать собственную энергоэффективность, высокое внимание к экологии добычи и транспортировки, повышать глубину переработки, производить соответствующую технику, идти впереди (вместе) мира в разработке альтернативных источников и водородного топлива. Задача ведь не в том, чтоб объявить свой сырьевой статус приемлемым путем развития, а в том, чтобы опереться на него в развитии более сложных уровней обработки.

В сфере космоса, высоких технологий, опирающихся также и на оборонный сектор, нужно искать возможности использования имеющихся заделов самим и в международной кооперации. Российские компании, не только сырьевые, выходят на мировой рынок, встречают сопротивление, конкуренцию за место под солнцем, но это уж неизбежное свойство рынка. Важно то, чтобы государственный (особенно чиновничий) капитал не душил частный, а крупный капитал реализовывал свою мощь вне страны в конкуренции гигантов, а не ограничивал возможности среднего и малого бизнеса дома.

Внутри страны реализовать потенциал человеческого капитала будет непросто. Уже видна нехватка промышленных рабочих, а иммиграция и гастарбайтеры в условиях экономического подъема в СНГ могут стать менее доступным резервом рабочей силы. От конкуренции за рынки и капитал мы вот-вот войдем в период конкуренции за рабочую силу. Надо срочно закреплять что имеем и двигаться к более высокой степени переработки. В этой связи по-прежнему нерешенной проблемой остается более свободное развитие малого бизнеса, особенно в наукоемких отраслях. Начинаящийся эксперимент с особыми экономическими зонами -- с которыми запоздали минимум на пять лет -- должен показать, справится ли государство с самим собой, освободит ли бизнес в "зонах" от административных барьеров и рисков. Если да, то проект можно считать пилотным и думать, как эти условия дать массе бизнеса, а не только тем, кто

по везению смог "сталкером проникнуть в зону".

Наконец, остается нерешенной проблема стоимости и доступности кредита. Взлет потребительского кредита в 2004--2005 годах -- это еще не качество и доступность финансовых услуг. Хотя по всем отчетам сектора финансовых рынков растут быстро, несколько ключевых проблем не решено: недоступность дешевого кредита малому бизнесу, низкая ликвидность рынка для финансирования крупных проектов (уход эмитентов за рубеж), недостаточная капитализация большинства банков и нехватка конкуренции для повышения качества услуг. Норма реального накопления в российском ВВП за шесть лет никак не выйдет за пределы 18--19%, и стране придется экспортировать по 10% ВВП сбережений ежегодно. Российский финансовый сектор должен быть доведен до реальной, а не иллюзорной адекватности потребностям процесса накопления в стране.

"Иторой переход"

В конечном итоге, таким образом, перед нами стоит проблема не отдельной идеи использования средств, а увязки долгосрочных целей развития страны и отдельных программ с разнообразными инструментами. Стабилизационный фонд растет, но не сравним с потенциальными потребностями страны. Экономисты вообще опасаются повторения мирового опыта в том отношении, что наличие средств в бюджете тормозит реформы, которые проводят после очередного инфляционно-бюджетного кризиса (вслед за падением цен на нефть, например). Стратегия модернизации не сводима к набору крупных проектов и должна охватывать нерешенные институциональные проблемы первого переходного периода. Пора, видимо, начать думать о "втором переходе" на магистраль развития -- еще на одно поколение. За первые 15 лет переходного периода сформировались некие институты рынка и демократии, но не меньше коррупции и теневой экономики. Социальные достижения -- латиноамериканское неравенство и экспорт представителей среднего класса на Запад -- не впечатляют. С демографией в стране плохо, но "для поставок на экспорт" лучших студентов у нас хватает. Права собственности не тверды, конкуренция не справляется с тенденциями к закреплению рент, бюрократы наступают на бизнес под видом государственных интересов. Так что хрупкость демократических институтов, по сути, не слишком удивляет.

Второй этап займет не меньше времени, но требует больше ума, споров и труда, поскольку движение к нормальным рыночным институтам и демократии будет сталкиваться с сопротивлением интересов тех групп, кого нынешнее положение дел вполне устраивает.

Конечно, проще всего отнестись к фонду как средству портфельных инвестиций. Можно получить примерно 4--5% в первоклассных западных бумагах минус примерно один пункт в виде платы за управление -- это дает умеренный валютный доход, который может почти исчезнуть при переводе в укрепляющиеся рубли. При использовании этих средств в качестве портфельного фонда создается видимость решения. Но и сейчас, находясь, по существу, в лоббистском тупике по поводу использования стабфонда, мы должны твердо осознавать, что портфельные инвестиции -- это промежуточное, а не конечное предназначение этих денег